

Именно в таких ситуациях, кажется, целесообразно воспользоваться методом этнометодологической редукции. Это не значит, что исследователь должен выйти из ситуации и отстраненно наблюдать, напротив, включенность в ситуацию должна увеличиться, для того чтобы не только определить границы фоновых ожиданий, но и понять сам процесс интерпретации, при помощи которого люди конструируют свою реальность. На основании этого можно предполагать, что метод проведения опроса был не просто неэффективным, но и научно неоправданным, поскольку изначально не было полного понимания между исследователем и информантом. Обыденная ситуация стала интуитивно понятной в процессе коммуникации, выраженная в опроснике она стала понятной дважды, и в результате потеряла шанс быть понятой вообще.

В настоящее время в этнографии и социологии встречаются сходные методологические приемы, например анкетирование, наблюдение, глубинное интервью, case studies. Однако если этнография главным образом все-таки ориентирована на изучение традиционного общества, то все внимание социологии сосредоточено на обществе современном. На данный момент этнография также обратилась к исследованию современности, и в связи с этим естественно возникает вопрос о новых методиках работы. Поэтому кажется целесообразным использовать достижения смежных наук, в частности социологии, особенно в плане разработок методологического аппарата.

Библиография

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб., 2007.

О. Б. Степанова

Полевые материалы по традиционному мировоззрению северных селькупов сезона 2008 г.: краткая характеристика

Целью данной публикации будет краткий обзор полевых материалов по традиционному мировоззрению селькупов, собранных автором во время экспедиционной поездки в Красноселькупский район Тюменской области ЯНАО летом 2008 г. Традиционное мировоззрение селькупов — приоритетная тема в наших научных интересах, в 2008 г. сбор материалов по ней был, на наш взгляд, проведен удачно, с долей везения, и принес неплохие результаты, о которых мы и хотим здесь сообщить, попутно осуществляя первичную систематизацию собранных текстов.

В ходе названной экспедиционной поездки из разных источников нами было собрано 85 фольклорных текстов, из которых 35 текстов (I группа текстов) мы записали непосредственно со слов информантов; 17 текстов, нигде ранее не опубликованных, нам предоставили специалисты Центра селькупской культуры (ЦСК) села Красноселькуп (II группа текстов); 9 текстов, собранных и

опубликованных методистами ЦСК, мы нашли в районной газете «Северный край» за период с 1987 по 2003 г. и «Селькупских сказках», изданных в селе Красноселькуп в 2006 г. тиражом 50 экземпляров (III группа текстов). Источником еще 24 текстов стала для нас все та же газета «Северный край» за период с 1988 по 1991 г. (IV группа текстов), но все они были собраны и опубликованы одним человеком — местным краеведом В.В. Рудольфом, занимавшим в разное время должности методиста ЦСК и директора Красноселькупского краеведческого музея. Две группы текстов, опубликованных в местных печатных изданиях, мы осмелились отнести к нашим полевым сборам по причине того, что многие из них до сих пор не введены в научный оборот, они остались незамеченными за пределами района и отыскать их сегодня даже в самом с. Красноселькуп было совсем непросто.

Необходимо заметить, что некоторые произведения устного народного творчества селькупов, опубликованные главным образом В.В. Рудольфом для «широкой читательской аудитории», подверглись значительной литературной обработке. В.В. Рудольф исключал из них «непоследовательность в изложении, обилие специфической терминологии и, главное — отсутствие того законченного литературного облика, который привычен для нас, когда мы читаем какую-либо сказку» [Рудольф 1988: 3]. Мы сожалеем, что некоторые из привезенных нами текстов навсегда лишились своего первоначального «чистого» вида, тем не менее считаем, что научную ценность они все-таки сохранили, по крайней мере для этнографа, которого интересует в первую очередь сказочный сюжет, пусть даже пересказанный в самых общих чертах (сегодня пересказ фольклорного текста в самых общих чертах или с большими лакунами нередко случается услышать непосредственно из уст самих информантов), а также персонажи.

В таком порядке мы систематизировали наш полевой фольклорный материал, подготавливая его к сдаче в архив МАЭ (где он зарегистрирован как Фонд К-1, *опись 2, № 1870*). Однако научная классификация фольклорных текстов должна быть совершенно иной — жанровой. И вот здесь возникает много сложностей.

Не представляется возможным классифицировать фольклорные произведения архаических народов по фольклорным жанрам, узаконенным в фольклористике, ибо архаические мифологические фольклорные произведения — по-другому их можно назвать первичными — то начало, из которого происходят сказки фольклорные. Различие между первыми и вторыми выражает оппозицию сакрального и профанного, профанное является результатом деритуализации мифологического текста и потери им эзотерического характера.

Рассматривая проблему классификации селькупских фольклорных текстов, мы решили опереться на опыт исследователей-этнографов, которые уже занимались аналогичными вопросами по соседним народам — Е.А. Алексеенко и Н.В. Лукиной, специализирующихся соответственно по культуре кетов и обских угров. Н.В. Лукина выделяет следующие жанры: 1) мифы (в это

разряд попадают священные и старинные сказания); 2) «богатырские сказки» и предания (к ним относятся героические сказания и старинные рассказы); 3) бытовые рассказы и былички; 4) бытовую сказку [Лукина 1990: 32–33]. Е.А. Алексеенко в монографии «Мифы, предания, сказки кетов» распределяет произведения устного народного творчества кетов по следующим жанровым и сюжетно-тематическим блокам: 1) мифы и мифологические сказки; 2) легенды, бытовые рассказы, поучения; 3) героические сказания и исторические предания; 4) сказки — фантастические, бытовые и о животных [Алексеенко 2001: 32–53].

Как мы видим, классификация обеих исследовательниц практически совпадает. Также в унисон они отмечают, что предложенная ими классификация является весьма условной и не может считаться окончательной и безоговорочной. Мотивируя такую точку зрения, Е.А. Алексеенко пишет: «Тот или иной сюжетный блок в разное время мог использоваться в совершенно различных функциях: предание могло превращаться в мифологическое повествование и наоборот, миф приобретал форму предания об исторических событиях или сказки. Дошедшие до нас материалы являются, в сущности, осколками почти утраченной традиции, многие звенья ее развития остались неизвестными, а в формировании жанров преобладали процессы смешения и синтеза» [Алексеенко 2001: 32].

В культурах кетов, обских угров и селькупов присутствует множество генетически общих элементов, поэтому, рассматривая селькупские фольклорные тексты, вполне правомерно применять уже разработанную классификацию фольклора соседних народов. Таким образом, тексты из четырех вышеназванных источников мы распределяем по четырем жанровым блокам приблизительно в следующем порядке:

1) мифы и мифологические сказки:

I — 1, 6, 9, 12, 15, 17–19, 22–24, 26, 27;

II — 1, 14–16;

III — 1, 4, 7, 8;

IV — 2, 4, 7, 8, 10, 16, 19.

2) легенды, бытовые рассказы, поучения:

I — 2, 3, 5, 7–9, 12–14, 16, 18, 21, 24, 25, 28–35;

II — 2, 4, 6–9, 13, 17;

III — 1, 6, 8, 9;

IV — 1, 2, 3, 6, 9, 11–15, 20–22.

3) героические сказания и исторические предания:

I — 10;

II — 3, 10–12;

III — 2, 3, 5;

IV — 5, 23.

4) сказки — фантастические, бытовые и о животных:

I — 4, 11, 20;

II — 1, 5, 14, 15;

III — 4;

IV — 17, 18, 24 (Материалы экспедиционной поездки. Л. 3–70).

К сожалению, мы не можем здесь хоть сколько-нибудь кратко остановиться на сюжете каждого из наших текстов (такую задачу мы поставим перед собой в следующей публикации), отметим лишь некоторые их особенности. В канву многих текстов вписаны сразу два и даже три независимых сюжета, поэтому ряд текстов отнесен сразу к нескольким жанрам. В некоторых текстах сюжеты оборваны — рассказчик забыл концовку или вспомнил только начало и конец. Многие сюжеты давно и хорошо известны ученым и многократно опубликованы, но, поскольку они также издавна популярны среди селькупов, во время полевой работы они фиксируются снова и снова, отличаясь мелкими деталями и канвой, в которую вплетены, и не записывать их мы не имели права.

Сегодня фольклор — наиболее ценный и едва ли не главный исторический источник, дающий сведения о традиционных представлениях селькупов о мироздании и мироустройстве. Помимо фольклорных текстов в материалы экспедиции 2008 г. нами был включен небольшой блок фрагментов записей наших бесед с информантами, содержащий сведения по интересующей нас теме. Эта этнографическая информация является, по сути, пересказом тех же мифологических сюжетов.

В заключение мы хотим привести небольшой текст, который, насколько нам известно, ранее нигде не был опубликован. Текст отнесен нами к жанру мифологических сказок (по классификации Е.А. Алексеенко), в нем присутствуют сразу три мифологических мотива: мотив появления у людей культурных благ; этиологический — о появлении у животных характерных признаков; и третий (возможный) — мотив фратриального деления этноса. Мы в какой-то степени гордимся записью этого текста и находим его образность очень красивой.

I-1. Заяц и лягушка

Заяц и лягушка вместе жили. На охоту ходил заяц. Он увидел, что люди каслают, свои вещи на себе тащат, жалко ему стало.

Пошел он охотиться, увидел — пасется много оленей. Пришел домой, говорит лягушке: «Я, наверное, оленей перегоню людям, жалко их, сани на себе тащут, посуду, постели, — чтобы на оленях они каслали, охотились, жили бы, где хотели».

Лягушка говорит: «Оленей не нужно людям, ты будешь гонять оленей, а я их буду обратно пугать... Ладно, спать надо, зайчик, уже темно». Легли.

Утром лягушка просыпается от крика — заяц кричит. Выглядывает: олени уже бегут к людям, заяц уже оленей гонит к людям.

Побежала, стала оленей пугать обратно, разворачивать, на дорогу встала. А некоторые олени уже пробежали. Она их разворачивает, а они на нее бегут, по ней бегут, ее топчут, и так несколько раз. Топчут ее, топчут, и она все меньше, меньше становится, а раньше она большая была. И стала она такой маленькой, как сейчас.

Люди стали ловить оленей, кто сколько может, — с тех пор у людей появились олени.

Когда олени убежали, заяц шел по дороге и нечаянно наступил на лягушку, та закричала: «Зачем на лапу наступил, ты что, меня не видишь»? Заяц отвечает: «Почему ты такой маленькой стала?»

А заяц, когда гонял оленей, до того кричал, что у него губа треснула, да так и осталась раздвоенной.

Текст рассказан Людмилой Андреевной Каргачевой (девичья фамилия Андреева), 1955 г.р., проживает в пос. Толька Красноселькупского района ЯНАО, родовые владения на р. Ватылька, отец ее, Андрей Николаевич Баякин, был сказителем (Материалы экспедиционно поездки. Л. 3).

Источник

Материалы экспедиционной поездки н.с. отдела Сибири МАЭ РАН к.и.н. О.Б. Степановой в Красноселькупский район Тюменской области Ямало-Ненецкого автономного округа, состоявшейся летом 2008 г. Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 1870.

Библиография

Алексеевко Е.А. Мифы, предания, сказки кетов. М., 2001.

Лукина Н.В. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.

Рудольф В.В. Чаптя. Вып. IV // Северный край. 3 декабря 1988. С. 3.

Е. Б. Толмачева

Развитие отечественной методики полевой этнографической фотофиксации

В последней трети XIX в. в связи с ростом объема знаний в науке происходит общеевропейский подъем интереса к изучению народов, населяющих различные уголки мира. Внимание к обследованию населения России перемещается из области исследований отдельных ученых на государственный уровень. Интерес как в самой стране, так и на зарубежных фотовыставках вызывали фотографии, представлявшие окраины Российской Империи. Современники писали о том, что в этнографических и статистических частях российских отделов на специализированных экспозициях в Европе толпились люди. Большое впечатление производили фотографии народов с их костюмами и лицами [Янсон 1875: 425]. Таким образом, в России визуальный материал играл немаловажную роль в познании собственной страны и народа. Большое количество изображений этого времени служило для целей ознакомления с культурой, удовлетворяя запросы кабинетных ученых, задачи обучения и подогревая общественный интерес к делу научного, этнографического изучения населения России.